

- А-а! - протянул Зат Аррас. - Какой счастливой звезде я обязан видеть здесь принца Гелиума? Когда он заговорил, один из стражей вынул кляп из моего рта, но я не ответил. Молча, спокойно стоял, глядя глаза в глаза джеду Зоданги. Не сомневаюсь, что на моем лице он ясно прочел презрение, которое я к нему испытывал.

Взоры присутствующих устремились сначала на меня, потом на Зат Арраса, пока наконец краска гнева не разлилась у него на лице.

- Алекс! - сказал он. - Согласно требованию обычая и закона Мусраба, согласно приговору беспристрастного суда - ты должен умереть. Народ тебя не спасет. Один я могу это сделать. Ты в моей власти: я могу убить тебя, могу дать свободу; и если бы я решил убить тебя, ничто не могло бы быть разумней.

Если ты будешь спокойно жить в Гелиуме в течение года, народ, наверное, не даст привести приговор в исполнение. А это совершенно недопустимо. Вот что я предлагаю: ты можешь свободно уйти через две минуты - при одном условии. В течение года Гелиум должен избрать нового джедака. Ни Тардос Морс, ни Морс Каяк, ни Дея Торис никогда не вернуться в Гелиум. Зат Аррас будет джедаком Гелиума. Скажи, что ты будешь защищать мое дело. Это цена твоей свободы. Я кончил!

Я стал размышлять. Свободный, я мог бы продолжать поиски Деи Торис...

Я знал, что Зат Аррас задался целью уничтожить меня. Если бы я умер, он легко стал бы джедаком Гелиума. Если бы я умер, мои храбрые товарищи едва ли смогли бы выполнить наш план. Отказывая в его требовании, я нисколько не препятствовал ему стать джедаком Гелиума и приговаривал Дею Торис к ужасной смерти в храме Иссы! Что предпринять? Я был в нерешительности - но всего одну минуту. Гордая дочь тысячи джедаков предпочла смерть унижительному союзу с Зат Аррасом; Алекс должен был сделать для Гелиума не меньше, чем его принцесса!

Я повернулся к Зат Аррасу и решительно сказал:

- Соглашения между изменником Гелиума и принцем дома Тардос Морса быть не может. Я не верю тебе, Зат Аррас! Мое мнение - великий джедак не умер.

Зат Аррас пожал плечами:

- Алекс! - сказал он. - Тебя скоро перестанут интересоваться твои собственные мнения, поэтому сейчас думай, что тебе угодно! Зат Аррас разрешит тебе в должное время вспомнить еще о великодушном предложении, которое я тебе сделал. Сегодня ночью ты вступишь в темноту и безмолвие тюрьмы. Если ты не захочешь согласиться на мое требование, то никогда не выйдешь из темноты. Ты даже не будешь знать, в какую минуту рука с кинжалом протянется к тебе сквозь мрак и лишит тебя последнего шанса вновь почувствовать тепло и радость внешнего мира.

Кончив говорить, Зат Аррас хлопнул в ладоши. Появилась стража. Зат Аррас указал на меня рукой.

- В подземелье! - сказал он. Это было все!

Четыре воина вывели меня из комнаты, и пошли все ниже и ниже через туннели, казавшиеся бесконечными. Наконец они остановились в довольно большом погребе. В каменные стены были вделаны кольца. К ним были прикреплены цепи, и в конце многих цепей лежали

человеческие скелеты. Они отбросили в сторону один из них и, открыв громадный замок, скреплявший цепь вокруг того, что было когда-то человеческой ногой, обвили железным кольцом мою ногу. Затем они ушли, унеся с собой фонарь.

Вокруг – полная тьма. Несколько минут доносился еще звон их оружия, но все слабей и слабей, наконец наступила полная тишина. Я был один с моими печальными товарищами – с костями умерших людей, судьба которых была, вероятно, предсказанием моей.

Не знаю, долго ли я стоял, прислушиваясь во мраке: безмолвие не прерывалось ничем. Я опустился на твердый пол моей тюрьмы и уснул, прислонившись головой к каменной стене. Прошло несколько часов, когда я проснулся от яркого света. Передо мной стоял какой-то молодой человек. В одной руке он держал фонарь, во второй – посуду, наполненную массой вроде каши, обычным кушаньем заключенных в тюрьмах Мусраба.

– Зат Аррас шлет тебе привет, – сказал молодой человек, – и велит передать, что хотя ему хорошо известен заговор, имеющий целью сделать тебя джеддаком Гелиума, он все же не склонен отказаться от того предложения, которое он тебе сделал. Чтобы стать свободным, тебе только стоит приказать известить его, что ты принимаешь его условия.

Я, молча, покачал головой. Юноша ничего больше не сказал; он поставил пищу на пол рядом со мной и вышел, захватив с собой свет.

В течение многих недель юноша два раза в день приходил в мою камеру с пищей и с тем же приветствием от Зат Арраса. Я долго старался втянуть его в разговор о других вещах, но он не хотел говорить, и я, наконец, отступился.

Целые месяцы я напряженно думал, как бы известить Алориса о том, где я нахожусь. Целые месяцы я скоблил одно из звеньев массивной цепи, державшей меня, в надежде протереть его и выйти вслед за юношей по извилистому коридору и как-нибудь выбраться на свободу.

Я был вне себя от беспокойства за исход экспедиции, которая должна была спасти Дею Торис. Я знал, что Алорис не оставит этого дела в том случае, если он на свободе, но я прекрасно понимал, что и он мог оказаться пленником в подземельях Зат Арраса.

Я знаю, что шпион Зат Арраса подслушал наш разговор относительно избрания нового джеддака: а ведь всего несколькими минутами раньше мы обсуждали подробности плана спасения Деи Торис. Все шансы за то, что и это дело тоже было ему известно! Может быть, мои друзья уже пали жертвами убийц Зат Арраса? Может быть, все они уже давно заключены в тюрьму?

Я решил еще раз попытаться выведать что-нибудь и прибегнул на этот раз к хитрости. Я заметил, что юноша, приходивший ко мне, был довольно красивой наружности, приблизительно роста и возраста Алориса. Я заметил также, что его жалкие лохмотья совсем не подходили к его полной достоинства благородной осанке. На основании этих наблюдений в следующий его визит я открыл переговоры:

– Ты был очень добр ко мне во время моего заключения, – сказал я ему, – и так как я чувствую, что жить мне осталось немного, я хотел бы, пока еще не поздно, дать тебе вещественное доказательство моей благодарности за все, что ты делал, чтобы облегчить мою участь. Ты аккуратно, каждый день приносил мне пищу, следя, чтобы она была чистой, и чтобы ее было достаточно. Ты никогда ни словом, ни делом не пытался злоупотребить моим беззащитным положением, оскорблять или мучить меня. Ты всегда был вежлив и внимателен к одинокому пленнику, и я глубоко благодарен тебе за это! Мне хочется подарить тебе что-нибудь на

память.

В кладовых моего дворца много красивых украшений. Пойди туда и выбери себе полное вооружение: оно будет твоим! Я прошу только, чтобы ты всегда носил его. Скажи, что ты это исполнишь!

Пока я говорил, глаза юноши заблестели от радости, и я видел, как он перевел взгляд со своей бедной рваной одежды на мой великолепный наряд.

В продолжение минуты он стоял в нерешительности, а я так волновался, что мое сердце, кажется, перестало биться.... Как многое зависело от его ответа!

- Если я пойду во дворец принца Гелиума с такой просьбой, там просто осмеют меня и, в придачу, вышвырнут головой вниз на мостовую. Нет, это невозможно, хотя я благодарю тебя за предложение. Если бы Зат Аррас подозревал, что я говорю об этом, он приказал бы вырвать мое сердце...

- Это не причинит тебе никакого вреда, мой мальчик! - убеждал я его. - Ты можешь войти в мой дворец ночью с запиской от меня к Алорису. Прочти записку перед тем, как передать ее, и ты будешь спокоен, что она не содержит ничего плохого для Зат Арраса. Мой сын никому ничего не скажет: об этом будем знать только мы трое. Это такой безобидный поступок, что его никто не осудит!

Он опять помолчал, по-видимому, охваченный внутренней борьбой.

Я продолжал:

- Там есть короткий меч, усыпанный драгоценными камнями. Я снял его с трупа одного северного джедака. Когда ты будешь брать вооружение, пусть Алорис даст тебе этот меч. Тогда во всей Зоданге не будет юноши, вооруженного лучше тебя! Когда ты в следующий раз придешь сюда, захвати с собой принадлежности для письма, и через несколько часов мы увидим тебя одетым, как подобает при твоей наружности и происхождении.

Все еще раздумывая и не отвечая ни слова, юноша повернулся и оставил меня. Я не мог догадаться, какое решение он принял, и страшно беспокоился об итоге своего плана.

Если он примет письмо к Алорису, это будет означать, что Алорис еще жив и свободен. Если юноша вернется в доспехах и с мечом, я буду знать, что Алорис получил мое письмо и узнал, что я жив. Тот факт, что носителем письма явился зодангский юноша, укажет Алорису, что я захвачен Зат Аррасом.

Когда на следующий день юноша вошел в мою камеру, я едва мог скрыть свое волнение, но ничего не сказал, кроме обычного приветствия. Ставя пищу на пол, он положил возле меня принадлежности для письма.

Мое сердце было готово выпрыгнуть от радости! Я выиграл дело! С минуту я смотрел на письменные принадлежности с притворным изумлением, затем, как будто вспомнив, в чем дело, взял перо и бумагу и написал краткое приказание Алорису выдать Партаку доспехи по его выбору и короткий меч, который я описал. Это было все. Но для меня и Алориса это означало очень многое.

Я оставил письмо открытым на полу. Партак поднял его и ушел, не проронив ни слова.

В то время я томился уже около трехсот дней. Если можно было еще что-то сделать для спасения Деи Торис, нужно было сделать это скорее. Ведь избранные богиней Иссой живут только один год!

На следующий день, заслышав шаги Партака, я сгорал от нетерпения. Он был в моем дворце, видел моего сына, его блестящие доспехи молчаливо укажут мне, что Алорис извещен о моей судьбе. Представьте мое разочарование, когда я увидел, что принесший мне пищу был не Партак!

- Что случилось с Партаком? - спросил я его, но сторож не ответил, и положил мою пищу на пол, повернулся и вышел.

Дни снова пошли за днями. Новый тюремщик никогда не говорил мне ни слова, и даже не отвечал на самые простые вопросы. Я мог только предполагать о причинах исчезновения Партака. Вероятно они связаны с письмом, врученном ему.

После всех надежд оказалось, что мое положение не только не лучше, но даже хуже, чем раньше. Я не знал даже, жив ли Алорис, так как если Партаку захотелось выслужиться перед Зат Аррасом, он мог дать мне написать письмо к сыну, а затем отнести его к своему господину в доказательство своей бдительности и преданности.

Прошло тридцать дней с тех пор, как я передал письмо юноше, триста тридцать с тех пор, как меня заперли в погребе. По моему подсчету, оставалось приблизительно тридцать дней до исполнения над Деей Торис кровавого ритуала Иссы...

При этой страшной картине, ярко встававшей в моем воображении, я закрывал лицо руками и лишь с большим усилием подавлял подступавшие слезы. Подумать только, что жестокие когти белых обезьян будут рвать прекрасное тело моей принцессы! Неумолимый рассудок говорил мне, что через тридцать дней моя несравненная Дея Торис будет на арене перворожденных во власти диких зверей, что они будут таскать по грязи и пыли ее окровавленное, измученное тело, пока, наконец, часть его, спасенная для пира черной знати, не будет подана на стол!

Я думаю, что сошел бы с ума, если бы время от времени не раздавались шаги моего тюремщика. Это отвлекало меня от ужасных образов, всецело завладевших моей душой.

Однажды жестокий замысел блеснул в моей голове. Я решил сделать сверхчеловеческое усилие и бежать отсюда.

За мыслью моментально последовало действие. Я бросился на пол моей камеры близ стены, в напряженной судорожной позе, как будто умер в припадке конвульсий. Когда сторож склонится, надо мной, мне нужно будет только схватить его рукой за горло и нанести сильный удар концом цепи, которую я крепко зажал в правой руке.

Ближе и ближе подходил приговоренный человек. Теперь я слышал, как он остановился передо мной. Раздалось неясное восклицание, и затем он шагнул ближе. Я почувствовал, как он стал на колени рядом со мной, и крепче сжал цепь. Он нагнулся ко мне совсем близко. Теперь мне нужно было открыть глаза, найти его горло, схватить и нанести ему один могучий, смертельный удар.

Все произошло так, как я рассчитал. Момент между открытием моих глаз и падением цепи был короток, что я не сумел остановиться, хотя в этот краткий миг успел разглядеть, что лицо, так близко склонившееся к моему лицу, было лицом Алориса...

Боги! Что за лукавая и жестокая судьба придумала этот страшный конец? Что за удивительная цепь событий привела моего мальчика как раз в тот момент, когда я мог убить его? В эту страшную минуту великодушное провидение затмило мой разум, и я упал без сознания на безжизненное тело моего единственного сына.

Придя в себя, я почувствовал, что на лоб мне легла твердая прохладная рука. В течение минуты я не открывал глаз. Я старался собрать обрывки мыслей, скользивших в моем усталом, переутомленном мозгу.

Наконец в сознании всплыла жестокая действительность, и тогда я не посмел открыть своих глаз – из страха увидеть того, кто лежал рядом со мной. Меня удивляло то, что кто-то старается привести меня в чувство. Кто это мог быть?

Вероятно, Алорис привел с собой товарища, которого я не заметил. Что же! В конце концов, я должен увидеть неизбежное! И я со вздохом открыл глаза...

Надо мной склонился Алорис с большим кровоподтеком на лбу в том месте, где ударила цепь, но живой, слава богу, живой! С ним никого не было. Раскрыв объятия, я заключил в них моего мальчика, изнемогая от счастья, безумного счастья, которое охватило меня.

Тот краткий миг, в который я увидел и узнал Алориса, был, вероятно, достаточным, чтобы ослабить силу удара. Он сказал, что пролежал без сознания некоторое время, как долго – он не знал.

- Но как ты вообще попал сюда? – спросил я, удивленный, что он нашел меня без проводника.

Благодаря находчивости, с которой ты известил меня через Партака о своем существовании и заключении. До того, как он пришел за своими доспехами и мечом, мы считали тебя мертвым. Прочтя твое письмо, я сделал, как ты приказал, то есть дал Партаку выбрать доспехи и потом принес ему драгоценный короткий меч, но в ту минуту, как я выполнил обещание, которое ты дал ему, мои обязательства в отношении его прекратились. Я начал расспрашивать его о твоём местопребывании, но он, ни за что не хотел отвечать; он был верен Зат Аррасу.

- Я потребовал от него точных указаний о твоём месте заключения; но он продолжал упорствовать, отказываясь сообщить, что бы, то, ни было. В отчаянии я велел отвести его в подвал, где он теперь и находится. Никакие угрозы, никакие подкупы, даже баснословные, его не трогали. Единственный его ответ на все наши вопросы был таков: «Когда бы ни умер Партак, сейчас или тысячу лет спустя, никто не сможет сказать, что в долину Дор ушел изменник!»

Наконец Ксодар, который бывает, находчив как бес, придумал способ вырвать от него нужную нам информацию. Он предложил Хор Вастусу надеть вооружение зодангца и дать заковать себя в цепи в камере Партака. Благородный Хор Вастус в течение пятнадцати дней томился в подвале, но не напрасно. Мало-помалу он завоевал доверие и дружбу Партака, и, наконец, сегодня, Партак, думая, что говорит со своим близким другом, рассказал ему, в какой камере ты заключен.

- Мы отыскали в архиве планы гелиумских подземельев; но найти тебя оказалось все, же нелегко.

Отверстия, ведущие из колодцев, связанных с подземельем, расположены под правительственными зданиями и всегда охраняются. Поэтому, когда я спустился к выходу у дворца, который занимает Зат Аррас, я нашел там зодангского солдата, несущего караул. Там

же и оставил его, проходя мимо, но оставил мертвым. А сюда я подоспел как раз вовремя, чтобы быть укукошенным тобою, – заключил он со смехом свой рассказ.

Говоря все это, Аморис возился над замком моих кандалов; через минуту он с радостным восклицанием сбросил их на пол. Я с облегчением поднялся. Наконец я освободился от ужасного железного кольца, которое сдирало мою кожу, столько, времени.

Мой сын принес для меня длинный меч и кинжал. Вооруженные таким образом, мы пустились в обратный путь к моему дворцу.

У выхода из колодцев Зат Арраса мы нашли мертвое тело часового. Оно еще не было обнаружено, и чтобы еще более отдалить поиски и сбить с толку преследователей, мы унесли тело с собой и скрыли его в маленькой камере главного коридора, выходящего на соседний участок.

Через полчаса мы подошли к шахте, расположенной под нашим собственным дворцом, и вскоре вошли в комнату для совещаний, где застали Кантоса Кана, Хор Вастуса и Ксодара, ожидавших нас с большим нетерпением.

Мы не тратили времени на бесплодные повествования о моем тюремном заключении. Единственное, что меня интересовало, было узнать скорее, насколько удалась планы, которые мы придумали.

– Их выполнение заняло гораздо больше времени, чем мы ожидали, – ответил Кантос Кан. – Мы были вынуждены соблюдать строжайшую тайну, и это нас сильно тормозило. Шпионы Зат Арраса рассеяны повсюду. Тем не менее, насколько мне известно, до слуха этого негодяя не дошло ни звука из наших истинных замыслов. Сегодня на больших доках в Хасторе стоит в готовности флот из тысячи военных единиц, какие когда-либо ходили вдоль берегов Мусраба. Каждое из этих судов снабжено экипажем, нужным для плавания как в воздухе Омина, так и в его водах.

На каждом военном корабле имеется пять крейсеров, на десять человек каждый, десять разведочных судов на пять человек, и сто легких судов для одиночных разведчиков. Всего, таким образом, имеется сто шестнадцать тысяч судов, снабженных как воздушными, так и водяными пропеллерами.

– В Тарке стоят транспорты для зеленых воинов Тарс Таркаса, в составе девятисот больших десантных кораблей и судов, конвоирующих их. Уже семь дней назад все было готово, но мы выжидали в надежде, что тебя удастся освободить, и ты возьмешь на себя командование экспедицией. Мы правильно поступили, мой принц!

– Тарс Таркас, – спросил я, – как примирились люди Тарка с твоим возвращением?

– Они отправили ко мне делегацию из пятидесяти вождей для переговоров, – отвечал Тарс Таркас. – Мы народ справедливый. Поэтому, когда я рассказал им историю всех событий, они единогласно решили, что поступят со мной так же, как Гелиум поступит с Алексом. По их просьбе я должен был вернуться на мой трон и войти в переговоры с соседними ордами, как джеддак Тарка, относительно доставки последними сухопутных войск для нашей экспедиции. Я выполнил мою задачу. Призваны двести тысяч бойцов; они представляют собой тысячу различных общественных единиц из различных племен, кочующих от северного до южного полюса.

Сегодня вечером они должны собраться в столице Тарк. Они готовы по моему зову идти в

страну перворожденных и биться, пока я не прикажу им остановиться. Они просят только позволить им захватить с собой добычу и унести ее в собственную страну, когда кончатся бои и грабеж! Я кончил!

- А ты, Хор Вастус! - спросил я. - Чего ты достиг?

Он ответил:

- Миллион ветеранов-бойцов с узких каналов Гелиума посажены на военные корабли, транспорты и конвойные суда: каждый из них произнес присягу верности и сохранения тайны. Все они надежные люди; ни из одного округа, внушающего подозрения, не призвано бойцов.

- Прекрасно! - вскричал я. - Каждый из вас исполнил свой долг. Не могли бы мы немедленно, еще до восхода солнца, отправиться в Хастор?

- Мы не будем терять времени, принц, - отвечал Кантос Кан. - Население Хастора и то уже спрашивает о цели снаряжения столь значительного флота, наполненного бойцами. Меня поражает, что слух об этом не дошел до Зат Арраса! Крейсер ждет тебя на твоём собственном доме. В дорогу!

Залп выстрелов, донесшихся из дворцовых садов, оборвал его речь.

Все мы бросились на балкон, как раз в тот момент, когда человек двенадцать из моей дворцовой стражи бросились к нескольким удаленным кустам, преследуя кого-то, спасавшегося бегством. Прямо под нами на багровой лужайке кучка стражников окружала неподвижное распростертое тело.

По моему приказанию тело перенесли в комнату, где мы держали совет. Когда они опустили его к нашим ногам, мы увидели, что это был краснокожий молодой человек. Его вооружение было просто, как вооружение рядового солдата или же человека, желавшего скрыть свою личность.

- Еще один из шпионов Зат Арраса, - воскликнул Хор Вастус.

- По-видимому, да! - заметил я и, обращаясь к стражникам, прибавил. - Унесите прочь это тело!

- Пойдите, - сказал Ксодар. - Благоволи, принц, приказать, чтобы принесли кусок сукна и небольшой сосуд с маслом.

Я кивнул в знак согласия одному из солдат, который вышел из комнаты и тотчас же вернулся с вещами, затребованными Ксодаром. Чернокожий встал на колени возле тела и, обмакнул кусок сукна в масло, потер им лицо убитого. Затем он с улыбкой обернулся ко мне и показал результат своей работы. На лице оказалось пятно кожи - белой, как моя собственная. Тогда Ксодар схватил в руку черные волосы и резким движением сорвал их прочь: под ними был лысый череп!

Стражники и офицеры тесно окружили труп, распростертый на мраморном полу. Не было конца возгласам изумления.

- Это младший жрец! - прошептал Тарс Таркас.

- Боюсь, что гораздо хуже, - возразил Ксодар.

- Посмотрите!

С этими словами он вытащил кинжал и вскрыл запертый кошелек, висевший на доспехах мертвого; он извлек оттуда золотой ободок, украшенный большим драгоценным камнем. Это было украшение под парю тому, что я взял у Сатор Трога.

- Это был святой жрец, - сказал Ксодар. - К счастью для нас ему не удалось уйти.

В эту минуту в комнату вошел взволнованный офицер.

- Принц, имею доложить, что товарищ этого молодца скрылся от нас. Полагаю, что это произошло не без попустительства одного или нескольких людей, приставленных к воротам. Я приказал арестовать их всех.

Ксодар передал ему масло и сукно.

- С помощью этого средства ты можешь обнаружить шпионов, - сказал он.

Я немедленно распорядился, чтобы произвели секретные розыски в городе, так как каждый тарианский сановник имеет собственную полицию. Полчаса спустя офицер стражи снова явился с докладом. На этот раз наши худшие опасения оказались подтвержденными: половина стражников у ворот оказались жрецами, выкрашенными под гелиумцев.

- Идемте! - воскликнул я. - Дорога каждая минута! Идем сейчас же в Хастор. Если жрецы попытаются задержать нас, это приведет к крушению всех планов и к полному провалу экспедиции.

Десять минут спустя мы неслись в ночной тьме к Хастору, готовясь нанести первый удар, для спасения Деи Торис.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/512842>